

Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова / В. В. Курьянова // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 179—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192.

Kuryanova, V. V. (2019). Tolstoyan Text and Myth of L. N. Tolstoy in Works by I. Ilf and E. Petrov. *Nauchnyi dialog*, 1: 179-192. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192. (In Russ.).

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК

УДК 821.161.1Толстой.091

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192

Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова

© Курьянова Валерия Викторовна (2019), orcid.org/0000-0001-7570-1926, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), kuryanova_v@mail.ru.

Рассматриваются вопросы выявления и анализа толстовского текста в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова. Новизна исследования заключается в том, что изучение свертхтекстовых структур в современном литературоведении прежде всего сосредоточено на топосных текстах (Петербургском, Крымском, Венецианском, Лондонском, Пермском и пр.), в то время как именные тексты (пушкинский, гоголевский, чеховский) исследованы мало, и методология изучения их не ясна. Автор предлагает свою дефиницию толстовского текста, а также способы и приемы изучения подобных текстовых структур. Утверждается, что основой толстовского текста является миф о Л. Н. Толстом. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведённые писателями-сатириками. Для этого анализируются романы писателей, их рассказы, фельетоны и очерки, а также документальные материалы о жизни и смерти Л. Н. Толстого, которые были обнародованы к концу 1920-х — середине 1930-х годов. Акцентируется внимание на своеобразии толстовского текста, выявляемом в сатирических произведениях. Поднимается вопрос об особенностях восприятия мифа о Л. Н. Толстом в культуре первой трети XX века.

Ключевые слова: свертхтекст; толстовский текст; миф о Л. Н. Толстом; русская литература XX века; сатира; И. Ильф; Е. Петров.

1. Введение

Современное литературоведение нередко обращается к большим текстовым структурам — *свертхтекстам*, начало изучению которых положил В. Н. Топоров своими работами о петербургском тексте [Топоров, 2009].

А. Г. Лошаков, разделяя сверхтексты по общности референта, выделил три тематических сверхтекста: событийный, локальный и именной. Последний являет собой систему интегрированных текстов, связанную с представлением о личности и / или персонаже, см.: [Лошаков, 2007, с. 54—55]. Выделенные А. Г. Лошаковым тематические сверхтексты к моменту проведения его исследования уже были частично изучены, как, например, топосные сверхтексты. В то же время практически не уделялось внимание событийным сверхтекстам (можно назвать только давнюю работу Г. В. Битенской «Художественная проза о войне как сверхтекст: категория пространства» [Битенская, 1993]).

Говоря о понятии толстовского текста, мы обращаемся, конечно, к именованному сверхтексту. Именным сверхтекстам уделялось значительно больше внимания, нежели событийным, но они также изучены мало и ограничены пока пушкинским, гоголевским, шекспировским и некоторыми другими текстами, в том числе и толстовским. В отношении понимания собственно именованного сверхтекста как текстовой структуры можно сказать, что на сегодняшний день эта категория текста недостаточно исследована. Так, отсутствует дефиниция пушкинского текста, нет определения гоголевского текста, хотя попытки дать толкование именованным сверхтекстам учеными предпринимались. Е. С. Демичева в своей диссертации попыталась сформулировать, что такое шекспировский текст, и отметила, что это «совокупность произведений, в которых встречаются сюжеты, мотивы, образы, реминисценции, заимствованные из художественного мира В. Шекспира, включая его произведения и его биографический миф, систему, компоненты которой связаны между собой различными типами взаимодействий» [Демичева, 2009, с. 1]. В этом утверждении нет ничего неправильного, но нет и понимания того, что именно является основой шекспировского текста, благодаря чему ряд разнородных произведений превращается в единый текст. Определения толстовского текста также не существует, более того, современные исследователи чаще понимают термин *толстовский текст* как «текст произведений Л. Н. Толстого» (см., напр.: [Мугумова, 2014; Романенко, 2015; Федотова, 2014]), нежели как толстовский сверхтекст в русской и / или мировой литературе, что отчасти прослеживается лишь в некоторых работах (см., напр.: [Горбенко, 2015; Ивина, 1999]).

Лишь А. Г. Лошаков, выступая в соавторстве с И. А. Шушариным и продолжая утверждать своё видение основы сверхтекста, высказанное в ряде предыдущих работ, содержание анализируемого исследователями пушкинского текста характеризует следующим образом: «Авторы ста-

ты квалифицируют Пушкинский текст как базовый именной свертхтекст русской текстосферы, существующий на основе содержания национально значимого персонического концепта “Пушкин”. Структура данного свертхтекста включает в себя “текст жизни” поэта, текст его произведений (прототекстовый уровень), а также огромный корпус метатекстов, функционирующих в разных типах дискурса (художественном, литературно-критическом, педагогическом и др.). Максимальная смысловая установка Пушкинского текста характеризуется содержательным многообразием, полифункциональностью, проявляется в разных дискурсивных стратегиях: мифологизирующей, демифологизирующей, пуристической («охранной»), эволютивной (оценочной), игровой и др. Диапазон их действия тем не менее определяется двумя антитетичными аксиологическими векторами — сакральным и профанным. Любой текст, отмеченный пушкинской темой, оказывается в сфере воздействия смыслов Пушкинского текста, инкорпорируется в нем и интерпретируется в соответствии с его дискурсивными стратегиями» [Лошаков, 2016, с. 117]. В целом принимая представление А. Г. Лошакова о свертхтексте, отметим, что и в данном случае есть описание, но нет дефиниции именованного свертхтекста.

Еще В. Н. Топоров отмечал, что основой петербургского текста является миф Петербурга. О пушкинском мифе, говоря о пушкинском тексте в русской литературе и культуре, пишут Н. А. Кузьмина [Кузьмина, 1999], Ю. В. Шатин [Шатин, 2000] и другие исследователи, о гоголевском мифе прежде всего повествуют исследователи гоголевского текста в русской литературе, см., напр.: [Баль, 2016; Меладшина, 2017; Толстогузов, 2017]. И если учесть, что, вслед за С. О. Курьяновым, мы в данном случае под мифом понимаем не традиционный миф, а созданные автором или общественным сознанием «мифологизированные константные представления» (см., напр.: [Курьянов, 2018, с. 42]), то становится очевидным, что всё, что отмечают, например, в пушкинском тексте, А. Г. Лошаков и И. А. Шушарин, несомненно, является мифом, то есть константным представлением о личности, которое мифологизировалось в авторском и общественном сознании. Причем влияние общественного сознания на авторское восприятие персоны усиливается по мере возрастания активности средств массовой коммуникации.

Именно поэтому под *толстовским текстом в литературе* мы понимаем семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых константных представлений (мифологем) о нём и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писате-

ля и закреплённых в произведениях русской литературы. Толстовский текст оформляется и «прочитывается» обязательно и только с помощью единого для воспроизводящего и воспринимающего сознания интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса.

Миф о Л. Н. Толстом (и демифологизация, непременно возникающая в сознании рецепиента при восприятии мифа и в известном смысле тоже являющаяся «мифологизированным константным представлением») становится тем цементирующим началом, которое, объединяя тексты отдельных произведений, создаёт свертхтекст.

Поэтому цель данной статьи — показать, что представляет собой и как проявляется толстовский миф, формирующий толстовский текст в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова.

2. Мифологемы, связанные с личностью Толстого, в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова

Миф о Л. Н. Толстом стал формироваться ещё при жизни писателя. Активная мифологизация личности и творчества художника началась сразу после ухода Толстого и его смерти. Противоречивость фигуры Л. Н. Толстого, слухи и домыслы, связанные с его жизнью, не могли не привлекать внимания литераторов, тем более сатириков-фельетонистов И. Ильфа и Е. Петрова, для которых внутренние и внешние противоречия жизненных явлений были ценным материалом.

Мифологема «Толстой — носитель христианских жизненных норм». В споре с Кисой Воробьяниновым, который отказывается играть роль «отца русской демократии», Остап Бендер приводит в качестве главного аргумента авторитет Толстого. На реплику растерянного Ипполита Матвеевича: «Но ведь это же... обман», — Великий Комбинатор отвечает ироничной тирадой: «Кто это говорит? Это говорит граф Толстой? Или Дарвин? Нет. Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забраться ночью в квартиру Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель» [Ильф и др., 1961, т. 1, с. 146]. И правда, дворянский предводитель в нравственном отношении не просто далёк от личности Толстого — он диаметрально противоположен ему. К тому же в воспринимающем сознании комичность сравнения очевидна: недалёкого по уму и жалкого искателя бриллиантов невозможно даже сравнивать с великим писателем, много жизненных сил положившим на нравственное самоусовершенствование. Описанная ситуация акцентирует

ет внимание на фигуре безупречного в нравственном отношении Толстого и закрепляет миф о писателе как о носителе христианских жизненных норм.

МИФОЛОГЕМА «ТОЛСТОЙ-ВЕГЕТАРИАНЕЦ». В романе «Двенадцать стульев» реализуется миф о Толстом-вегетарианце. Л. Н. Толстой действительно в определённый период своей жизни стал вегетарианцем. Развитие вегетарианства в России — во многом заслуга писателя. Большой интерес к этому явлению в русском обществе возникает после статьи Толстого «Первая ступень» (1891). Для писателя вегетарианство — это путь отречения от физических удовольствий. Толстой считал, что распространение в Европе и России идей вегетарианства «служит признаком того, что стремление к нравственному совершенствованию человека серьезно и искренно, так как оно приняло свойственный ему неизменный порядок, начинающийся с первой ступени» [Толстой, 1928—1964, т. 29, с. 85]. Добровольный отказ от пищи — это первая ступень, которую человек, стремящийся к самосовершенствованию, обязан перешагнуть.

И. Ильф и Е. Петров, высмеивая современное им общество в романе «Двенадцать стульев», не могли не обратить внимание на все более распространявшееся вегетарианство. Так появляются молодые супруги Лиза и Коля, которые вынуждены быть вегетарианцами в силу молодости их семьи и небольшого заработка Коли. Но если Коля вполне смиряется с положением и ест «фальшивого зайца» и морковные котлеты, то Лиза хочет большего, хочет роскошной жизни, поэтому и отправляется кутить в ресторан с влюбленным в нее Воробьяниновым. Последним аргументом для разочаровывающегося супруга в пользу вегетарианства становится Лев Толстой. Но для Лизы, которую тошнит от вегетарианской пищи, личность Толстого вовсе не аргумент. Она уверена (и вполне справедливо), что писатель не всегда был вегетарианцем:

— *Лев Толстой, — сказал Коля дрожащим голосом, — тоже не ел мяса.*

— *Да-а, — ответила Лиза, икая от слез, — граф ел спаржу.*

— *Спаржа — не мясо.*

— *А когда он писал “Войну и мир”, он ел мясо! Ел, ел, ел! И когда “Анну Каренину” писал — лопал! лопал! лопал!*

— *Да замолчи!..*

— *Лопал! Лопал! Лопал!*

— *А когда “Крейцерову сонату” писал — тогда тоже лопал? — ядовито спросил Коля.*

— *“Крейцера соната” маленькая. Попробовал бы он написать “Войну и мир”, сидя на вегетарианских сосисках? [Ильф и др., 1961, т. 1, с. 167].*

Лиза, конечно же, иронизирует, она потребитель по характеру, но не глупа и понимает, что вегетарианство Толстого мало связано с экономией Коли. Коля также своим замечанием о «Крейцеровой сонате» ищет аргументы не столько в пользу идей Толстого, сколько в оправдание своей бедности и невозможности заработать больше, даже если он будет стараться изо всех сил. Миф о Толстом-вегетарианце проявляется в романе И. Ильфа и Е. Петрова в полной мере, но надо отметить, что вовсе без иронии над самим Толстым, хотя это нередко было свойственно культуре начала века.

Мифологема Толстой-вегетарианец получает развитие в рассказе «Рождение ангела» (1932). Фельетон создан как пародия на современных писателям кинематограф. Восемь сценаристов в мучениях ищут концептуальные черты образа положительного героя для будущего сценария фильма «на индустриальную тему». И сценарист Самозвонский утверждает: «Положительный должен быть вегетарьянцем». Ему возражают: «Позвольте, раз вегетарьянец, значит — толстовец» [Ильф и др., 1961, т. 3, с. 151]. И это очень важное замечание, поскольку в обыденном сознании следование вегетарианству всегда было равно следованию толстовству. И это очень смущает работающих над фильмом сценаристов, так как толстовство — это уже плохо. Толстовцы в силу своей независимости от любых официальных структур не были приняты ни монархической системой, ни молодой страной пролетариата. В 1929 году многие сторонники вегетарианства были арестованы и сосланы [Бранг, 2006].

«Непротивление злу насилием» в творческой рецепции И. Ильфа и Е. Петрова. В полной цензурной версии «Двенадцати стульев» Остап Бендер рассказывает Ипполиту Матвеевичу поучительную историю гусарасхимника графа Алексея Буланова [Воспоминания ..., 1963]. Судьба монаха во многом напоминает судьбу отца Сергия из одноименной повести Л. Н. Толстого, что, несомненно, входило в авторскую задачу, аналогии и параллели тут не случайны. Толстой в повести основное внимание уделяет подавлению отцом Сергием своего греховного чувства — проблема, которая, согласно дневникам, письмам и другим произведениям писателя, занимала его всю жизнь. По Толстому, у каждого человека есть возможность физического ухода от жизни, но почти нет пути ухода от своей сущности.

Эта проблема оказалась близкой Ильфу и Петрову, но в отличие от сюжета повести Толстого их история была почерпнута из биографии реального человека — Александра Ксаверьевича Булатовича, бросившего блестящую офицерскую карьеру после разговора со святым Иоанном Кронштадским. Успешный офицер, разочаровавшийся в мирской жизни и принявший схиму, Буланов тем не менее не может уйти от суеты мира. Конечно,

ни в истории Толстого, ни в биографии Булатовича ничего комического нет, но сатирики, пародируя Толстого, достигают нужного эффекта, описывая безуспешные попытки гусара-схимника найти гармонию в жизни. Ему даже преставиться не удастся, как он желает, по канонам житийной традиции. Поэтому, сбросив схиму, он выходит в мир — в счастливую советскую действительность: «Тогда старец встал и проворно вышел из землянки <...> Жизнь была прекрасна. Старец, не оглядываясь, пошел вперед. Сейчас он служит кучером конной базы Московского коммунального хозяйства» [Ильф и др., 2017, с. 81]. Советские писатели решают судьбу героя в духе современности, показывая обречённость обособленно-индивидуалистической жизни, свойственной дореволюционному укладу, от чего страдал новоявленный отец Сергей, и радость жизни в коллективе «конной базы Московского коммунального хозяйства».

С другой стороны, истинное, правильное понимание толстовских заповедей также приобретает в общественном сознании отрицательную коннотацию. Формирующееся на законах классовой борьбы общество начинает пренебрежительно относиться к непротивлению злу насилием, нравственному самосовершенствованию, а заодно и к отказу от излишеств и пр. И Толстой, и толстовство становятся ругательными словами. Так, Остап Бендер в «Золотом теленке», став обладателем заветного миллиона, не имеет никакой возможности его потратить. Герой, не найдя лучшего выхода, в отчаянии решает отправить все деньги народному комиссару финансов, но вдруг бывшая трезвость мышления возвращается к нему, и он бежит за отправленной уже посылкой на почту, выговаривая сам себе: «Тоже, апостол Павел нашелся, — шептал он, перепрыгивая через клумбы городского сада. — Бессребреник, с-сукин сын! Менонит проклятый, адвентист седьмого дня! Если они уже отправили посылку — повешусь! Убивать надо таких толстовцев!» [Ильф и др., 1961, т. 2, с. 378].

Толстой, будучи ярким примером безусловной нравственности, с точки зрения таких обывателей, как Остап Бендер, оказывается носителем совершенно бессмысленной в жизни человека нравственности, ничего не дающей ему и не обещающей.

Мифологема «уход Л. Толстого» в романе «Золотой теленок». Блестяще толстовский миф представлен в романе «Золотой теленок». Одна из телеграмм, которыми забрасывает Бендер, оказывая психологическое давление, уже изрядно напуганного Корейко, содержит текст: «Графиня изменившимся лицом бежит пруду» [Там же, с. 116]. Этот эпизод, связанный с последними днями Л. Н. Толстого, был широко известен в 1910 году. Интерес к семье умирающего графа в тот момент был колоссальный. Извест-

ный корреспондент столичной газеты «Речь» Н. Е. Эфрос, дежуривший на станции Астапово, отправляет в редакцию телеграмму: «Узнал несколько подробностей покушения графини: не дочитав письма, ошеломленная бросилась сад пруду; увидавший повар побежал дом сказать: графиня изменившимся лицом бежит пруду. Графиня, добежав мостка, бросилась воду...» [Смерть..., 1929, с. 40]. В этой одновременно трагической и комической телеграмме, одобренной известной долей журналистского и обывательского любопытства, описывался следующий действительный факт: после прочтения прощального письма, оставленного ей по своему уходу Л. Н. Толстым, Софья Андреевна пыталась покончить жизнь самоубийством, бросившись в пруд.

Прежде всего, комичность ситуации в глазах авторов и читателей была порождена представлениями о самой личности графини, которая уже не раз шантажировала самоубийством семью, доводя вполне сознательно себя до состояния, граничащего с умопомешательством. Срывы Софьи Андреевны были столь часты с момента появления В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого, мало обоснованны и внешне нелепые, что со стороны вызывали в лучшем случае жалость, в худшем — иронию [Ремизов, 2018]. Во-вторых, слово *графиня* в годы написания «Золотого теленка» имело уже насмешливую коннотацию, особенно без употребления имени, отчества и фамилии обладателя титула. Также комический эффект достигался благодаря традиционному отсутствию предлогов в телеграмме. И, конечно, И. Ильф и Е. Петров используют прием смешения стилей, вставляя фрагмент текста телеграммы в художественный контекст: «помещение в чуждое им стилистическое окружение элементов речи профессиональной, научно-технической, публицистической, официально-деловой и т. п. — специфическое средство создания различных оттенков комической тональности, подчеркивающее индивидуальную комическую картину мира И. Ильфа и Е. Петрова» [Танашева, 2015, с. 122]. Таким образом, трагикомичность мифологемы ухода Толстого закреплялась в воспринимающем сознании во многом благодаря И. Ильфу и Е. Петрову, использовавшим текст телеграммы в своем романе.

Мифологема «Л. Толстой — великий русский писатель». С Толстым связан также выбор одного из многочисленных псевдонимов И. Ильфа и Е. Петрова — Ф. Толстоевский, соединяющий фамилии двух великих русских писателей XIX века. Рождение мифологемы «Ф. Толстоевский» связано, с одной стороны, с безусловным признанием писательского величия обоих художников-реалистов, и в то же время это ироническое совмещение двух фигур в один знак «великий писатель». Но главное — появление псевдони-

ма подчеркивало разницу литературных эпох, падение уровня писательского мастерства в стране и в то же время самоиронию сатириков, вовсе не претендовавших на титул великих писателей. Кому принадлежало авторство псевдонима, доподлинно не известно. Видимо, подобное соединение лежало на поверхности. Достаточно вспомнить ироничное замечание Н. Берберовой, которая в своих воспоминаниях рассуждает: «Что было бы, если бы во Франции вся ее историко-литературная критическая мысль вертелась вокруг ФЛОБЗАКА, как у нас вокруг Толстовского?» [Берберова, 2017, с. 439].

Мифологема «Толстой — гений» возникает в тексте путевых очерков «Одноэтажная Америка» [Ильф и др., 1961, т. 4, с. 132]. Миф о Толстом — великом и гениальном писателе является одним из главных и распространённых в Америке, но при этом сатирикам не ясно, зачем нужен великий писатель американцам, если для них он лишь знак величия, но отнюдь не великий художник и великий знаток человеческой души.

Поэтому сама фигура Толстого становится заметным элементом среди арсенала образов в умелых руках юмориста-сатирика. Так, персонаж Лев Николаевич вместе с персонажем Антоном Павловичем появляются в водевиле «Сильное чувство» (1933). Их поведение настолько отлично от привычного, какое закрепилось в нашем сознании, что на этом и строится весь комический эффект. Пьеса — своеобразная отсылка к водевилю А. П. Чехова «Свадьба»: «На протяжении всего текста эта связь поддерживается жанровым сходством, типами персонажей, мотивами. И. Ильф и Е. Петров, которых, как и В. Набокова, можно назвать мастерами интертекстуальных мистификаций, вводят имя Чехова в игровой форме в комической паре со Львом Николаевичем» [Шеленок, 2015, с. 99]. В водевиле мифологема о «непротивленце Толстом» реализуется И. Ильфом и Е. Петровым в обратном направлении — желании избить хулигана, благодаря чему создаётся комический эффект.

3. Выводы

Природа комического — одна из самых сложных проблем литературоведения. Для достижения комического эффекта необходима насыщенность, экспрессивность стиля, поэтому мифологизация известных авторам и читателю людей, понятий, пространств дает возможность наполнить значимыми и знаковыми деталями комический текст.

Игра определяет индивидуальный стиль И. Ильфа и Е. Петрова. Используя для литературной игры мифологизированные представления о Л. Н. Толстом, закреплённые в воспринимающем сознании, сатирики создают своеобразный толстовский текст (сверхтекст), обладающий зна-

чительным комическим эффектом. Объединяющий в себе гетерогенные литературные элементы (тексты), сталкивающиеся и взаимодействующие как в писательском, так и в читательском сознании, толстовский текст даёт объёмные представления о Льве Толстом, тем самым упрочивая толстовский миф в сознании современников и потомков.

Источники

1. *Ильф И.* Двенадцать стульев. Полная версия романа / И. Ильф, Е. Петров. — Москва : АСТ, 2017. — 720 с.
2. *Ильф И.* Собрание сочинений : в 5-ти т. / И. Ильф ; [под ред. А. Г. Дементьева и др; вступит. статья Д. И. Заславского, с. 5–22 ; примечание А. З. Вулиса и Б. Е. Галанова]. — Москва : Гослитиздат, 1961.
3. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). Серия 1 : Произведения / Л. Н. Толстой ; под общ. ред. В. Г. Черток-ова. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928—1964.

Литература

1. *Баль В. Ю.* «Гоголевский текст» в романе М. Шишкина «Письмовник» / В. Ю. Баль // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 4 (42). — С. 98—113.
2. *Берберова Н. Н.* Курсив мой : автобиография / Н. Н. Берберова ; под редакцией Л. М. Сурица. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. — 526 с.
3. *Битенская Г. В.* Художественная проза о войне как сверхтекст : категория пространства : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. В. Битенская. — Екатеринбург, 1993. — 18 с.
4. *Бранг П.* Россия неизвестная : история культуры вегетарианских образов жизни с начала до наших дней / П. Бранг ; пер. с нем. А. Бернольд и П. Бранга. — Москва : Языки славянской культуры, 2006. — 568 с.
5. *Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове* / составители Г. Мунблит, А. Раскин. — Москва : Советский писатель, 1963. — 336 с.
6. *Горбенко А. Ю.* Георгий Гребенщиков как Лев Толстой : «толстовский текст» жизнестроительства Г. Д. Гребенщикова / А. Ю. Горбенко // Алтайский текст в русской культуре : сборник статей. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2015. — Вып. 6. — С. 99—113.
7. *Демичева Е. С.* «Шекспировский текст» в русской литературе второй половины XX — начала XXI в. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. С. Демичева. — Волгоград, 2009. — 24 с.
8. *Ильф А.* Журнал «Чудак» и его чудачки. Вступительная заметка и публикация [Электронная версия] / А. Ильф // Вопросы литературы. — 2006. — № 3. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/3/chu15.html>.
9. *Исина Н. У.* «Толстовский» текст в казахской прозе XX века / Н. У. Исина // Наследие Л. Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки : сборник

материалов XXXVI Международных Толстовских чтений, посвященных 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. — Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. — С. 224—228.

10. Кузьмина Н. А. Пушкинский текст современной поэзии / Н. А. Кузьмина // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 2. — С. 108—117.

11. Курьянов С. О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе / С. О. Курьянов // Крымский гуманитарный вестник : сборник научных статей / ответный редактор А. Н. Рудяков ; ГБОУ ДПО РК «КРИППО». — Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2018. — С. 40—47.

12. Лошаков А. Г. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы / А. Г. Лошаков, И. А. Шушарин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 5. — С. 117—127.

13. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / А. Г. Лошаков. — Архангельск : Издательство Поморского университета, 2007. — 344 с.

14. Меладишина Ю. В. «Ревизор» в гоголевском тексте романа Владимира Шарова «Возвращение в Египет» / Ю. В. Меладишина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2017. — Т. 27. — Вып. 5. — С. 693—706.

15. Мугумова А. Л. Ориентализмы толстовского текста кавказской тематики как объект русской лексикографии (историко-лингвистический аспект) / А. Л. Мугумова // Наследие Л. Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки : материалы XXXIV Международных Толстовских чтений. — Тула : Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. — С. 240—245.

16. Ремизов В. Б. Уход Толстого. Как это было / В. Б. Ремизов. — Москва : Проспект, 2018. — 704 с.

17. Романенко С. М. Толстовский текст в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант» / С. М. Романенко // Филологические и культурологические дисциплины в рамках реализации ФГОС в школе и вузе : материалы Третьей Международной научно-практической конференции учителей и работников образования. Омский государственный педагогический университет ; ответный редактор Е. А. Глотова. — Омск : Изд-во ОмПГУ, 2015. — С. 149—152.

18. Смерть Толстого: по новым материалам. — Москва : Эмес, 1929. — 328 с.

19. Танашева М. З. Приемы создания комического эффекта в русской сатирической прозе начала XX века (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев») / М. З. Танашева // Язык и культура. — 2015. — № 16. — С. 120—125.

20. Толстогузов П. Н. Муха в гоголевском тексте / П. Н. Толстогузов // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2017. — № 1 (26). — С. 121—125.

21. Топоров В. Н. Петербургский текст / В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 2009. — 820 с.

22. Федотова А. А. Толстовский текст в поздней прозе Н. С. Лескова / А. А. Федотова // Наследие Л. Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки :

Материалы XXXIV Международных Толстовских чтений. — Тула : Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. — С. 174—179.

23. Шатин Ю. В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации / Ю. Шатин // Сибирская пушкинистика сегодня : Сборник научных статей. / Сост., ред. В. Н. Алексеева и Е. И. Дергачевой-Скоп. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. — С. 231—238.

24. Шеленок М. А. Литературная игра как доминанта стиля И. Ильфа и Е. Петрова (пьеса «Сильное чувство») / М. А. Шеленок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. — Журналистика. — 2015. — Т. 15. — № 4. — С. 98—102.

25. Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе / Л. М. Яновская. — 2-е изд. — Москва : Наука, 1969. — 217 с.

Tolstoyan Text and Myth of L. N. Tolstoy in Works by I. Ilf and E. Petrov

© Kuryanova Valeriya Viktorovna (2019), orcid.org/0000-0001-7570-1926, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Literature, Crimea Federal University named after V. I. Vernadsky (Simferopol, Russia), kuryanova_v@mail.ru.

Tolstoyan text in the works by I. Ilf and E. Petrov is considered. The novelty of the research lies in the fact that the study of supertext structures in modern literary studies is primarily focused on topographical texts (St. Petersburg, Crimea, Venice, London, Perm, etc.) while nominal texts (Pushkinsky, Gogolevsky, Chekhovskiy) are little studied and the methodology of their study is not clear. The author offers her definition of Tolstoyan text, as well as methods and techniques for studying such text structures. It is argued that the basis of Tolstoyan text is the myth of L. N. Tolstoy. The structure of the Tolstoyan myth is analyzed, its inherent myths (mythological constant ideas) that were created and reproduced by writers-satirists are revealed. To do this, the author analyzes the novels, stories, feuilletons and essays, as well as documentary materials about the life and death of L. N. Tolstoy, which were made public by the end of the 1920s — mid 1930s. Attention is focused on the originality of Tolstoyan text, typical to satirical works. The question of features of perception of the myth about L. N. Tolstoy is raised in the culture of the first third of the 20th century.

Key words: supertext; Tolstoyan text; myth of L. N. Tolstoy; Russian literature of the 20th century; satire; I. Ilf; E. Petrov.

Material resources

Ilf, I., Petrov, Ye. (1961). *Sobraniye sochineniy*. Moskva: Goslitizdat. T. 1—5. (In Russ.).

Ilf, I., Petrov, Ye. (2017). *Dvenadtsat' stulyev: polnaya versiya romana*. Moskva: AST. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1928—1964). *Polnoye sobraniye sochineniy. Yubileynoye izdaniye (1828—1928). Seriya 1: Proizvedeniya*. Moskva; Leningrad: Gos. izdatel'stvo. T. 1—90. (In Russ.).

References

- Bal, V. Yu. (2016). «Gogolevskiy tekst» v romane M. Shishkina «Pismovnik». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 4 (42): 98—113. (In Russ.).
- Berberova, N. N. (2017). *Kursiv moy: avtobiografiya*. Moskva; Berlin: Direkt-Media. (In Russ.).
- Bitenskaya, G. V. (1993). *Khudozhestvennaya proza o voyne kak sverkhtekst: kategoriya prostranstva: avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Brang, P. (2006). *Rossiya neizvestnaya: istoriya kultury vegetarianskikh obrazov zhizni s nachala do nashikh dney*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Demicheva, E. S. (2009). «Shekspirovskiy tekst» v russkoy literature vtoroy poloviny XX nachala XXI v: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd. (In Russ.).
- Gorbenko, A. Yu. (2015). Georgiy Grebenshchikov kak Lev Tolstoy: «tolstovskiy tekst» zhiznestroitelstva G. D. Grebenshchikova. In: *Altayskiy tekst v russkoy kulture: sbornik statey*. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. 6: 99—113. (In Russ.).
- Ilf, A. (2006). Zhurnal «Chudak» i yego chudaki. Vstupitelnaya zametka i publikatsiya. *Voprosy literatury*, 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/3/chu15.html>. (In Russ.).
- Isina, N. U. (2018). «Tolstovskiy» tekst v kazakhskoy proze XX veka. In: *Naslediye L. N. Tolstogo v paradigmakh sovremennoy gumanitarnoy nauki: sbornik materialov XXXVI Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy, posvyashchennykh 190-letiyu so dnya rozhdeniya L. N. Tolstogo*. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo. 224—228. (In Russ.).
- Fedotova, A. A. (2014). Tolstovskiy tekst v pozdney proze N. S. Leskova. *Naslediye L. N. Tolstogo v paradigmakh sovremennoy gumanitarnoy nauki: materialy XXXIV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy*. Tula: Izdatelstvo TGPU im. L. N. Tolstogo. 174—179. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). O russko-ukrainskikh literaturnykh svyazyakh i ob ukrainskom tekste v russkoy literature. In: Rudyakov, A. N. (ed.) *Krymskiy gumanitarnyy vestnik*. Simferopol: IP Minakir I. L., 40—47. (In Russ.).
- Kuzmina, N. A. (1999). Pushkinskiy tekst sovremennoy poezii. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2: 108—117. (In Russ.).
- Loshakov, A. G. (2007). *Sverkhtekst kak slovesno-kontseptualnyy fenomen*. Arkhangel'sk: Izdatelstvo Pomorskogo universiteta. (In Russ.).
- Loshakov, A. G., Shusharin, I. A. (2016). Prolegomeny k kontseptsii Pushkinskogo teksta russkoy literatury. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 5: 117—127. (In Russ.).
- Meladshina, Yu. V. (2017). «Revizor» v gogolevskom tekste romana Vladimira Sharova «Vozvrashcheniye v Egipet». *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*, 27 (5): 693—706. (In Russ.).

- Mugumova, A. L. (2014). Oriyentalizmy tolstovskogo teksta kavkazskoy tematiki kak obyekt russkoy leksikografii (istoriko-lingvisticheskiy aspekt). *Naslediye L. N. Tolstogo v gumanitarnykh paradigmakh sovremennoy nauki: materialy XXXIV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy*. Tula: Izdatelstvo TGPU im. L. N. Tolstogo. 240—245. (In Russ.).
- Munblit, G., Raskin, A. (sosts.) (1963). *Vospominaniya ob Il'ye Il'fe i Yevgenii Petrove*. Moskva: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).
- Remizov, V. B. (2018). *Ukhod Tolstogo. Kak eto bylo*. Moskva: Prospekt. (In Russ.).
- Romanenko, S. M. (2015). Tolstovskiy tekst v romane Daniila Granina «Moy leytenant». In: Glotova, E. A. (ed.) *Filologicheskiye i kulturologicheskiye distsipliny v ramkakh realizatsii FGOS v shkole i vuze: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii uchiteley i rabotnikov obrazovaniya*. Omsk: Izd-vo OmPGU. 149—152. (In Russ.).
- Smert' Tolstogo. Po novym materialam* (1929). Moskva: Emes. (In Russ.).
- Shatin, Yu. V. (2000). «Pushkinskiy tekst» kak obyekt kulturnoy kommunikatsii. In: Alekseyev, V. N., Dergacheva-Skop, E. I. (eds.). *Sibirskaya pushkinistika segodnya*. Novosibirsk: GPNTB SO RAN. 231—238. (In Russ.).
- Shelenok, M. A. (2015). Literaturnaya igra kak dominanta stilya I. Il'fa i E. Petrova (pyesa «Silnoye chuvstvo»). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 15 (4): 98—102. (In Russ.).
- Tanasheva, M. Z. (2015). Priyemy sozdaniya komicheskogo effekta v russkoy satiricheskoy proze nachala XX veka (I. Il'f i Ye. Petrov «12 stulyev»). *Yazyk i kultura*, 16: 120—125. (In Russ.).
- Tolstoguzov, P. N. (2017). Mukha v gogolevskom tekste. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema*, 1 (26): 121—125. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2009). *Peterburgskiy tekst*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Yanovskaya, L. M. (1969). *Pochemu vy pishite smeshno? Ob I. Il'fe i Ye. Petrove, ikh zhizni i ikh yumore*. Moskva: Nauka. (In Russ.).